

*Шинтемирова Алмагуль Малкаждаровна*  
*старший преподаватель института филологии и полиязычного образования*  
*Казахского национального педагогического университета имени Абая*

## **ПОЭТ - И. А. БУНИНДИН ЧЫГАРМАЧЫЛЫКТАГЫ МИФОПОЭТИКАЛЫК МАМИЛЕСИ**

### **МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА – ПОЭТА**

#### **MYTHOPOETIC APPROACH IN THE WORKS OF I.A. BUNIN - THE POET**

**Аннотация:** Бул макала 1910-жылдардын акыны Иван Буниндин чыгармачылыгына арналган. Макалада акын космостун жашоосун «кудайдан берилген гармониялык жаралуу» катары интерпретациялоону каалагандыгы каралып чыккан. Буниндик мифтик ой жүгүртүүдө түбөлүктүүлүк, чексиздик, бирдиктүүлүк эске тутуунун эквиваленти катары каралган.

XX кылымдын башындагы поэзияда катаал космостун мифологемасынын контекстинде дүйнөлүк турмуштун жана адамдын мүмкүнчүлүгүнүн драмалык карама-каршылыгы көрсөтүлөт. Буниндин космостук дүйнө кабыл алуусу анын көркөм дүйнөсүнүн бүтүндүгү жөнүндөгү түшүнүгүнө таянат.

**Аннотация:** Данная статья посвящается творчеству Ивана Бунина-поэта 1910-х годов. В статье рассматривается желание поэта интерпретировать жизнь космоса «как божественную гармонию создания». Здесь говорится о памяти как эквиваленте вечности, бесконечности, всеединства в бунинском мифомышлении.

На фоне всех событий того времени раскрывается драматическое противоречие, рожденного разной природой, несоизмеримостью возможностей человека и мировой жизни в контексте мифологемы сурового космоса в поэзии начала XX века. Бытие мира и бытие человека одновременны, сопряжены и обладают определенной суверенностью. Космическое мироощущение Бунина опирается на представление о целостности его художественного мира.

**Annotation:** This article is dedicated to the works of Ivan Bunin the poet of the 1910s . The paper considers the poet's desire to interpret the life of the cosmos "as the divine harmony of creation". It speaks of memory as the equivalent of eternity, infinity, all-unity in the Bunin myth thinking.

Against the background of all the events of that time, a dramatic contradiction is born, born of a different nature, incommensurability of human capabilities and world life in the context of the harsh cosmos mythology in poetry. the beginning of the twentieth century. The being of the world and the being of man are simultaneous, conjugate and possess certain sovereignty. Bunin's cosmic world view is based on the idea of the integrity of his artistic world.

**Түйүндүү сөздөр:** символизм, мифтик поэтикалык ыкма, мифологема, космостук дүйнө кабыл алуу, мифтик ой жүгүртүү, дискурстук ой жүгүртүү.

**Ключевые слова:** символизм, мифопоэтический подход, мифологема, космическое мироощущение, мифомышление, дискурсивное мышление.

**Key words:** symbolism, mythopoetic approach, mythologem, cosmic world perception, myth thinking, discursive thinking.

Центральной проблемой, оставленной эпохой символизма, современником которой был И.А. Бунин, была проблема мифопоэтического подхода к литературе. В эстетике

Вячеслава Иванова «большое искусство – искусство мифотворческое» [13, 41]. Е.М. Мелетинский, осмысливая возрождение мифа, отмечал, что «мифологизм повлек за собой выход за социально-исторические и пространственно-временные рамки» [5, 95]. Тем самым уже русский символизм открывал возможность нового прочтения литературы с точки зрения её мифологического и символического потенциала.

В лирике Бунина проявилось тяготение поэта к жизненно-органическому, личностному, бытийной стороне человеческого существования, в сфере философии культуры, философии жизни, что способствовало его включению в общее движение за возвращение литературе её мифотворческой и символической основы, изрядно пошатнувшейся вследствие замкнутости в сфере социальной конкретики и индивидуально-психологического опыта.

Вячеслав Иванов противопоставлял дискурсивному, логическому мышлению мышление мифологическое, проникая в закономерности последнего и связывая с ним речь поэтическую и судьбу искусства.

Стремление возродить мифомышление возникает уже в романтической философии. Шлегелевский план создания «новой мифологии», которая должна представлять собой стихийный продукт творческого воображения, этой мифотворческой способности, возвышенной романтизмом, способствовал тому, что литература заговорила языком символа и мифа в эпоху торжества технического мышления, защищая человека от монополии функционального разума. Наука XX века пришла к выводу, что миф и символ не архаические феномены: они принадлежат к «сущности духовной жизни» (М. Элиаде), и искусство XIX – XX веков едино в своем стремлении возродить как свою первооснову мифомышление, соединяющее человека с космосом, природой, большим временем и своим собственным внутренним существованием. При этом антропоцентрическая ориентация сменяется универсальной, онтологической, возвращающей к мифу. Вместе с кризисом антропоцентризма и просветительского рационализма «в глубине человеческой культуры поднимаются какие-то внутренние стихии варварства, которые мешают дальнейшему творчеству классической культуры», как характеризовал этот процесс Н.А. Бердяев [1, 213]. По утверждению Вячеслава Иванова, движение художественного создания к символу и мифу стирает прежнее разделение писателей на романтиков и реалистов. Оно предвещает психологическую революцию К.Г. Юнга – открытие бессознательного как силы универсальной, коллективной и позитивно-мифотворческой. Бунин как большого художника отличала чуткость к архетипическим формам, хранимым коллективным бессознательным (архетип – это «образ, существующий в бессознательном», по определению К.Г. Юнга). А. Блок называл это свойство русской литературы «великой стихийной памятью» [2, 114]. Неким эквивалентом вечности, бесконечности всеединства в мифомышлении Бунина выступает память: «Мне все кажется, что я был всегда, во веки веков и всюду» [12, 386]. Чуткость к ней позволяла Бунину «охватить жизнь в её полноте и цельности» [8, 24]. Представление об «общей душе», атавистической памяти как основе искусства концентрированно выражено в стихотворении «В горах» (1916):

Я говорю себе, почуяв тёмный след  
Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:  
– Нет в мире разных душ и времени в нем нет!

(«В горах», 1916).

Обратной стороной «образной (чувственной) памяти» в творчестве Бунина является специфический тип индивидуального сознания – «особенно сильное Я», «безмерно обогащенное за долгий путь существования в цепи своих предков», «жажда вящего

утверждения этого Я и вместе с тем чувство тщеты этой жажды, обостренное ощущение Всебытия» [9, 438].

Субстанциальная коллизия «Я – мир» связана как со стремлением поэта пантеистически интерпретировать жизнь космоса как «божественную гармонию созданья» в контексте мифологемы животного космоса («Надпись на чаше», 1903; «Набегают впотьмах...», 1904), так и с раскрытием драматического противоречия, рожденного разной природой, несоизмеримостью возможностей человека и мировой жизни в контексте мифологемы грозного Космоса в лирике 1910-х годов («Тора», «Огнепоклонники», «Дедушка», «Океан под ясною луною...», «Ритм», «Из Апокалипсиса», «День гнева»). При этом бытие мира и бытие человека одновременны, сопряжены и обладают определенной суверенностью. Позиционирование своего Я, взгляд на себя со стороны как на таинственное проявление некой наиндивидуальной мыслящей субстанции выводит к модели бунинской художественной вселенной, близкой к той, которую русские космисты назвали антропокосмизмом. «Космическое мироощущение» Бунина опирается на представление о целостности его художественного мира, где, подобно Вселенной, каждая точка – центр мироздания: «все связано между собой по принципу отклика, резонанса, эха» [4, 15]. Являясь архетипом, «космическое видение» мира в единстве человека и Вселенной – одна из основ мифомышления Бунина.

Параллельно и одновременно с чувством укорененности во Всебытии в мировосприятии Бунина живет трагическое ощущение оторванности от него («безумие моей отделенности от мира») – удел отошедшего от райской целостности человека разорванной и трагической эпохи.

Бунин размышлял о трагической парадоксальности бытия и основном событии человеческой жизни – прорыве к космическому Всеединству при неотвратимом возвращении на круги земные, о не поддающихся управлению стихиях бытия.

Земные скитания человека в художественном мире Бунина переживают эволюцию: в лирике 1890-х – начала 1900-х годов индивидуальное Я, вышедшее из глубин Всеединства, самоутверждается на пути «выступления», в то же время обнаруживая в себе стремление к «возврату», к слиянию с миром в форме обладания им, расширения себя до мира.

Моя отчизна; я вернулся к ней  
Усталый от страданий одиноких,  
И понял красоту в её печали  
И счастье – в печальной красоте. («В степи», 1889).

В лирике второй половины 1900 – 1910-х годов энергия самоутверждения диалектически перетекает в свою противоположность – самоотрицание, предел всевременности и всепространственности осознается как знак «божественной» природы человека.

Я человек: как бог, я обречен  
Познать тоску всех стран и всех времен.

(«Собака», 1909).

Дуализм рационального – иррационального, механического – органического, косного – творчески активного явился результатом представления о двух типах сознания – «ущербном, дискурсивном разуме» и «разуме полноты, т.е. непосредственном интуитивном постижении» в определении М. Гершензона [5, 231]. Поэзию Бунина пронизывает та «первозданность» души, которая, по мнению Т. Манна, «ощущает свою близость к стихийным, иррациональным и демоническим силам жизни, т.е. к истинным источникам жизни, и которая часто рассудочному миропониманию и отношению жизни

противопоставляет свое более глубокое знание, свою более глубокую связь со святыней бытия» [11, 321].

В контексте данного дуализма идея мирового Всеединства углубляется до дионисизма, чувства фундаментальной двойственности природы.

В соответствии с терминологией Ф. Ницше, подхваченной русскими символистами, можно сказать, что дионисизм Бунину был свойственен в той же мере, как и аполлонизм, – он представляет собой редкий пример художника, гармонично объединявшего в себе обе эти разнородные стихии искусства. Но если аполлонизм Бунина очевиден, однако не всегда четко терминологически обозначен, то дионисизм поэта не был предметом специального рассмотрения, хотя беглые замечания о нем содержатся в работах буниноведов последнего времени. Так, современный польский исследователь В. Вильчинский, в частности, отмечает, что «излюбленного символистами дионисийского начала в художественном «я» Бунина предостаточно...» [10, 72].

Бунин с его тягой к идеалу гармонии, благородной простоте и ясности словно стремится реализовать в своей лирике позицию созерцателя ослепительно-солнечного мира:

Когда идешь над бездной – надо прямо  
Смотреть в лазурь и свет.

(«Мистику», 1905).

Однако эта особенность мировосприятия Бунина сочеталось с тенденцией осмысления мира в ключе сущностных начал. Упоение жизнью и жажда полноты бытия сопровождалась ощущением его катастрофичности, бессилие человека перед огромными и таинственными космическими силами, чувством неустрашимого одиночества отъединенной от мира личности, упоение им, что сближает его с модернистами: «Жизнь, как могила в поле, молчалива» («Бродяги», 1902).

А дальше муть, свинцовые просторы,  
Холодный и туманный океан.

(«В полночный час», 1922).

Двойственность природного мира сопрягается с двойственностью человеческого бытия:

Я вижу ночь: пески среди молчанья.  
И звездный свет над сумраком земли.

(«Ночь», 1901).

Свойственная мифомышлению поэта двойственность – признак полноты его проникновения во внутренние закономерности бытия. Бытию, в понимании Бунина, присущи свет и мрак, счастье и мука. Его мир предстает в неразрывном единстве и напряженном противостоянии полярных состояний. Страстно напряженная радость бытия

Но в душе – все веселей!  
Я люблю, я молод, молод:  
Что мне этот шум аллея  
И осенний мрак и холод?

(«Листья падают в саду...», 1898) сменяется недоуменным

вопросом в финале стихотворения: «Отчего ж душа болит?». Полярность бытия открывала поэту катастрофическое состояние мира.

Традиционная оппозиция свет – тьма ассоциируется со сложными человеческими эмоциями. «Неземная красота» трудно достижима, и поэтому приобщение к ней дарует возрождение.

Душа, затрепетав, как крылья вольной птицы,

Коснулась солнечной поющей высоты!

(«На монастырском кладбище», 1901).

Идентичность света и жизни в контексте мифологемы животворного Космоса в лирике Бунина является воплощением гармонии всего живого. Их антиподом выступает тьма, аналог смерти («Бальдер»). В лирике 1900-х годов, там, где субъектом создания является автор, тьма вытесняется светом или берет на себя его функции. В стихотворении «Набегают впотьмах...» (1904) ночное море олицетворяет космическое целое жизни. «Общая жизнь» Космоса не знает смерти. Свет ночи несет идею разумности и дружелюбности космического целого («Мистику», 1905).

В лирике 1910-х годов в контексте мифологемы грозного Космоса «соединение света и мрака (жизни и смерти)» выражает на языке живописи принципиальную для Бунина мысль о Космосе не враждебном, а непостижимом, до конца и поэтому всеильном, диктующем человеку свою волю» («Ночь зимняя мутна и холодна...», «Тора») [3, 36].

Бунин, как символисты, проникает во внутренний иррационализм жизни, скрывает таинственные глубины жизни мировой, космической и частной, человеческой: «В основе всего видимого есть элемент невидимый, но не менее реальный» [7, 419]. Но сама реальность, в отличие от символистов, никогда не превращалась у Бунина в метафору трансцендентного.

Бытие для Бунина – тайна мучительная, неразрешимая. Тайна творчества, тайна человеческой жизни и жизни природы, жажда разгадать их и невозможность этой разгадки волнует и тревожит поэта («Щеглы, их звон стеклянный, неживой...»). Актуализировать в каждом чувство причастности к Универсуму и общей для всех душе – функция искусства для Бунина.

Поэт обладает порывом к несказанному, неизреченному:

Сердце мне весело

В неизвестное идти.

(«Воля»).

Бунин стремится прикоснуться к мирам иным, соединить в своей поэзии очевидное и запредельное:

Не видя, видит взор иное,

Чудесное и неземное,

Не слыша, ясно ловит взор

Восторг гармонии небесной...

(«Дурман», 1916).

В психике лирического субъекта в поэзии Бунина происходит столкновение двух потоков сознания: рационального и иррационального. Они живут в человеке Бунина одновременно, сопрягая сиюминутное и вечное в каждой судьбе. Чувственное, иррациональное начало древнее рационального, «несет в себе генетическую память не только о предках, но позволяет острее чувствовать связь с миром» [12, 601]. В стихотворении «Проснусь, проснусь...» (1906) вторжение сверхчувственного заставляет лирического субъекта отбросить рассудочные построения, погрузиться в атмосферу неизреченного, семантически обозначенного как «он»: «Но он молчит, он замер». Мистически настроенное создание воспринимает чужой мистический опыт: шотландский миф, отраженный в стихотворении «Призраки» (1903): «Нет, мертвые не умерли для нас». Как безусловная принимается Буниным память древней славянской мифологии. Мистические переживания лирического субъекта в стихотворении, «Речка» вызваны деяниями духа воды:

Безумно водяной хохочет,

Стремглав летя по колесу  
(«Речка», 1906).

Тонкое чутье к иррациональному, стремление постичь запредельное с помощью интуиции сближает Бунина с символистами, объясняя суть «модерности» его художественного метода.

Бунина всегда завораживала иррациональная природа музыки, соответствующая иррациональной природе литературного образа. Поиски верного «звука» перед началом работы над новым произведением, который определит эмоциональный тон будущего творения, зачарованность ритмом вселенной (стихотворение «Ритм»), исходящим из самых глубин мировой жизни и являющимся как бы осязаемым выражением её сути («Все ритм да бег») – эта пронизанность образа мира Бунина ритмической стихией делает его созвучным идее А. Шопенгауэра о том, что лишь музыка является способом приближения к интуитивному познанию ноуменального мира.

Дионисийский миф содержит экстатическое всеприятие мира. «Повышенное чувство жизни» составляет сущность художественного мира Бунина. Душа поэта, обладая повышенной впечатлительностью, страстностью придает его миру яркость, подчас нестерпимую и экстатическую силу самого чувства жизни.

По борозде спеша за сошниками,  
Я оставляю мягкие следы –  
Так хорошо разутыми ногами  
Ступать на бархат теплой борозды!  
(«Пахарь», 1906).

«Образ повышенной жизни с её неразрешающимся напряжением, высокой самооценностью любого мига... господствует над всем миром Бунина» [8, 10]. Стихийность дионисийского порыва в натурфилософской и любовной лирике Бунина обнаруживает свою космическую природу, таинственную суть, динамизм развертывающихся картин («грозовой цикл» Бунина). Именно космическая стихия мировой жизни, гигантские грозные универсальные силы (Рок, Смерть, Любовь, Сила) рождают те инстинктивные импульсы, иррациональные толчки, которые проходят через душу человека, определяя его извечную трагедию вследствие несоизмеримости масштабов и возможностей жизни мировой и человеческой.

У Бунина нет обособления личности от бытийного целого. Художник стремится к освоению всего жизненно-органического, глубинно-иррационального в человеческой и мировой жизни, благоговей перед всем полярным, выходящим за рамки рационального сознания, обращаясь к силе первородной, стихийной, свободной. Взгляды Бунина с его памятью прошлого, идеей возвращения к истокам бытия роднит его с символизмом Вячеслава Иванова и выражает одно из устремлений культур – философского пафоса эпохи. Но от раскрывшейся мифологической широкости, деструктивности иррациональной стихии, антиномичности человеческой и мировой жизни поэт возвращается к религиозным критериям, нравственным откровениям христианства.

Тоска по душевной ценности утоляется традиционным идеалом святости. Экстатический путь сменяется религиозно-нравственным («И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», 1918; «Древняя обитель супротив луны...», 1918; «Михаил», 1919; «Свет», 1927).

#### Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире // Новый мир. – 1990. – № 1

2. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. – М-Л.: Художественная литература. – Т 6., 1962. – 560 с.
3. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М: Художественная литература , 1967.– 622 с.
4. Гершензон М. Мудрость Пушкина // Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990. – 207 – 243 с.
5. Манн Т. Собр. соч. – В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1979.
6. Никонова Т.А. О смысле человеческого существования в творчестве И. Бунина // И.А. Бунин: pro et contra. – СПб., 2001.
7. Сливицкая О.В. Основы эстетики Бунина // И.А. Бунин: pro et contra. – СПб., 2001.
8. Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. – М., 2004.
9. Спивак Р.С. Грозный Космос Бунина // Литературное обозрение. – 1995. – № 5
10. Смирнов В.А. Семантика «лунарного мифа» в поэзии И. Бунина // Творчество писателя и литературный процесс. – Иваново, 1999.
11. Твардовский А.Т. О Буине // И. Бунин. Стихотворения. Рассказы. Повести. – М., 1973.
12. Иванов Вячеслав. По звездам: Статьи и афоризмы. – СПб., 1909 – 448.

**Рецензент: к.филол.н., доцент Апышева С.Ш.**